

Епископ Михаил

**Библейская наука:
Академические чтения по
Священному Писанию
Ветхого Завета**

**Книга 1. Очерк истории
толкования Библии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Е67

Е67 **Епископ Михаил**
Библейская наука: Академические чтения по Священному Писанию Ветхого Завета: Книга 1. Очерк истории толкования Библии / Епископ Михаил – М.: Книга по Требованию, 2015. – 153 с.

ISBN 978-5-458-28344-1

ISBN 978-5-458-28344-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О Ч Е Р К Ъ

Исторіи толкованія Библии.

Епископа Михаила.

Ветхій и Новый Завѣтъ составляютъ одно нераздѣльное цѣлое въ дѣлѣ Божественной экономіи,—Новый есть исполненіе Ветхаго. Потому и ихъ ученіе, или вообще міросозерцаніе, въ сущности одно и одинаково, и при этомъ Ветхій Завѣтъ объясняется Новымъ, корень Новаго Завѣта—въ Ветхомъ, а потому, нельзя изъяснять Ветхаго Завѣта, не имѣя въ виду Новаго, ни говорить о Новомъ, не имѣя въ виду Ветхаго; а потому толкованіе ихъ у христіанъ всегда шло объ руку, нераздѣльно одно отъ другаго. Мы это говоримъ къ тому, что въ исторіи толкованія Библии нельзя отдѣлять исторіи толкованія Ветхаго и исторіи толкованія Новаго Завѣта, а нужно слѣдить за исторіей толкованія всей Библии вмѣстѣ, какъ одного Божьяго Откровенія въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ.—Такъ мы и сдѣлаемъ.

---

1. *Всяко писаніе багодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человекъ, на всякое дѣло благое уготованъ* (2 Тим. 3, 16—17), писалъ Тимошеею св. Ап. Павелъ, имѣя въ виду, безъ сомнѣнія, по преимуществу писаніе Ветхозавѣтное; а намъ, конечно, безъ сомнѣнія, тоже можно и должно сказать и о писаніи Новозавѣтномъ.—Но

чтобы достигнуть этой, указанной Апостоломъ, цѣли, нужно вѣрно понять Писаніе и правильно истолковать.

Упражненіе въ законѣ всегда было у евреевъ, а это упражненіе состояло, безъ сомнѣнія, въ стараніи правильно понять, объяснить себѣ и усвоить его; впрочемъ, долгое время эти упражненія были болѣе частныя, чѣмъ общественныя, — и болѣе устныя, чѣмъ письменныя. Болѣе общественный характеръ и обширный объемъ получили эти толкованія со времени окончательнаго образованія канона В.-Завѣтныхъ книгъ, и когда образовались и сильно развились синагоги и общественныя школы у Іудеевъ. Здѣсь должность толкователя была уже официальною и одною изъ важнѣйшихъ, и, какъ кажется, рано было принято правило, которое послѣ уже выражено въ Талмудѣ, что „такъ какъ законъ данъ былъ чрезъ посредника: то чрезъ посредника же онъ долженъ быть и перечитываемъ, т. е. объясняемъ“. — Каковъ былъ характеръ этихъ древнѣйшихъ синагогальныхъ толкованій, опредѣлить нельзя, потому что эти толкованія были болѣе устныя, чѣмъ письменныя, и эти послѣднія, если и были, — не дошли до насъ, и свидѣтельствъ древности о нихъ также нѣтъ, за исключеніемъ немногихъ указаній въ новозавѣтн. писаніяхъ, изъ которыхъ, впрочемъ, опредѣлительнаго заключенія о семъ вывести нельзя. Характеръ еврейскаго толкованія и пониманія писанія можно опредѣлить полнѣе только съ тѣхъ поръ, какъ явились письменныя, хотя немногія, свидѣтельства объ этомъ, удѣлѣвшія до насъ, какъ то: отрывки изъ сочиненій Аристовула ¹⁾, сочиненія Филона, Флавія ²⁾, Таргума Іоанаана и Онкелоса на Пятокнижіе и Пророковъ ³⁾. — Направленіе толкованія свящ. книгъ въ то время, отъ котораго остались эти письменные памятники, не смотря на одну цѣль — уяснить мысль и смыслъ Божеств. откровенія, было не одинаково.

а) Пониманіе и толкованіе Писанія у *Александрійскихъ* Іудеевъ, стояло, какъ по всему видно, подъ сильнымъ вліяніемъ Александрійской языческой философіи. Немного странно сказать и слышать это, а на самомъ дѣлѣ — такъ. — Подъ вліяніемъ этой философіи, которую характеризуютъ названіи-

---

¹⁾ Іудейскаго ученаго, конца 2 в. до Р. Хр. (+175 г.).

²⁾ Современниковъ Христа и Апостоловъ.

³⁾ Около времени Христова.

смъ *электической*, у Александр. іудейства преобладающимъ интересомъ въ пониманіи и толкованіи Ветхозавѣтнаго откровенія было догматико-спекулятивное содержаніе Ветхозавѣтнаго Писанія и развитіе его по отвлеченнымъ идеямъ философской системы. Эта философія слишкомъ далека была отъ основныхъ началъ чистаго іудейства и не сродна съ положительнымъ строго нравственнымъ направленіемъ его; но въ этомъ не хотѣли признаться получившіе греческое образованіе Александр. Іудеи, не старались отыскать между ними внѣшнюю связь, понять и представить ее какъ связь внутреннюю, даже какъ единство идеи и возрѣній. Могучимъ средствомъ для этого примиренія философскихъ идей съ откровеніемъ ветхозавѣтныхъ священныхъ книгъ послужила *аллегорія*,—иносказательное толкованіе ученія ветхозавѣтной Библии и событій библейскихъ,—аллегорія, которая не явилась исключительно для этой цѣли, въ подражаніе толкованіямъ современными греческими писателями нѣкоторыхъ изъ ихъ древнѣйшихъ писателей, но имѣетъ глубокое основаніе во всемъ направленіи Александрійской философіи, которую напрасно старались помирить съ чистымъ іудействомъ. Вслѣдствіе того, при дальнѣйшемъ развитіи этого возрѣнія и пониманія Писанія, не обращалось должнаго вниманія, на смыслъ буквальный, имъ пренебрегали, какъ внѣшней временной оболочкой, и, по требованію необходимости системы находя во всемъ смыслъ, сокрытый подъ этой временной внѣшней одеждой, смыслъ таинственный, дошли до того, что почти совершенно отвергли прямой исторической буквальный смыслъ, или же давали ему слишкомъ ничтожное значеніе, и тѣмъ самымъ оторвались отъ началъ истиннаго пониманія и вѣрнаго толкованія Божеств. откровенія; произволъ аллегорія въ высшемъ своемъ развитіи совершенно почти занялъ мѣсто истиннаго историческаго буквальнаго смысла. Во всемъ видѣли аллегорію и аллегорическія понятія подводили подъ свою систему, всю исторію превратили въ одну широкую притчу; въ сухихъ, прямыхъ, церковно-богослужебныхъ постановленіяхъ закона видѣли метафизическія понятія и представленія и пр. и пр.—Какъ же скоро извращено возрѣніе на Божеств. откровеніе въ самомъ основаніи, то конечно трудно, чтобы не сказать невозможно, ожидать правильнаго пониманія и толкованія и *частныхъ* мѣстъ Писанія. —Начатки этого ложнаго направленія явятся еще у Аристовула (175 г. до Рождества Христова) въ

его—ἡ τῶν ἱερῶν νόμων ἐρμηνεία; но высшей степени своего развитія оно достигло у Филона въ его—ἀλληγορίαι τῶν ἱερῶν νόμων и—въ другихъ его многочисленныхъ сочиненіяхъ.— Это направленіе выродилось, кромѣ вліянія начала Алекс. философіи, еще изъ суетнаго желанія—возвысить іудейство въ глазахъ греческихъ философѣвъ,— и умный, даровитѣйшій Филонъ нашелъ лучшимъ средствомъ для этого иносказаніе, какъ это было тогда въ ходу и у Греческихъ писателей, которые, для поддержанія надавшей въ глазахъ философѣвъ народной религіи, толковали произведенія своихъ великихъ поэтовъ—даже Гомера—иносказательно. Такъ какъ откровеніе не мирилось съ началами языческой философіи, а его хотѣли помирить насильно во что бы то ни стало посредствомъ аллегоріи: то самая аллегорія по необходимости вышла натянутая, неестественная, странная и все таки недостигала цѣли: текстъ Библіи стоялъ самъ по себѣ, смыслъ аллегоріи—самъ по себѣ, а отъинуду предвзятая идея—сама по себѣ; ложь съ истиной хотѣли связать спекуляціей и фантазіей, и это нравилось, хотя и не достигало цѣли существенной.

б) Иосифъ Флавій отчасти показываетъ, какъ *Палестинское* іудейство, ознакомившееся съ Греческимъ образованіемъ, понимало и толковало св. Бож. писанія.—Чуждый стремленія всюду видѣть аллегорію, онъ болѣе стоитъ на исторической почвѣ и старается видѣть въ писаніяхъ смыслъ буквально-историческій; но у него мало критическаго такта, а потому онъ впалъ въ другую крайность,—именно, онъ сталъ подъ вліяніе ложныхъ преданій и прикрасъ, которыя выдуманы были іудеями, а потому много страннаго и ложнаго въ его воззрѣніяхъ, и хотя онъ, для объясненія извѣстныхъ мѣстъ Ветхозавѣтнаго писанія, служитъ обильнымъ источникомъ свѣдѣній, но не всегда безопаснымъ для исторической истинности, даже по большей части опаснымъ. Основательнаго и твердаго филологическаго знанія своего древняго отечественнаго языка у него нѣтъ, или по крайней мѣрѣ оно не высказывается нигдѣ, а потому для филологическаго объясненія, которое, какъ увидимъ, составляетъ основу истиннаго пониманія и объясненія всего буквальнаго смысла и можетъ предохранить отъ произвольныхъ и неумѣстныхъ аллегорій, онъ оказалъ очень малую услугу. Главное сочиненіе его по этой части—*Antiquitates Judaicae*.

в) Собственно іудейство *Палестинское*, не зараженное Еллинизмомъ, поставляло главнымъ предметомъ въ объясненіи Писанія, какъ это можно заключить изъ Таргумовъ и нашихъ Евангелій, подробное толкованіе внѣшнихъ законовъ, постановленій и правилъ, выискивая и въ прочихъ Писаніяхъ большею частію практическія правила своей дѣятельности. Фарисеи, секта съ обширнѣйшимъ вліяніемъ, изслѣдовали только *tà vorixà*, какъ выражается Флавій.— Путь, которымъ они шли при этомъ, было *Преданіе*, путь самъ по себѣ безопасный, но искривленный у нихъ ложнымъ, вымышленнымъ и мелочнымъ преданіемъ, изъ котораго незамѣтно составила своя собственная система и съ такимъ огромнымъ авторитетомъ, что независимо отъ Писанія встала на ряду съ нимъ, даже чуть-ли не выше его. Господь говорилъ фарисеямъ объ этомъ такъ: Мар. 7, 5--13. Вслѣдствіе этого, объясненіе мѣстъ Писанія основывалось исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно, на преданіи и совершалось при помощи также иносказанія и аккомодациі преданія къ словамъ Писанія. Какъ у Александр. іудеевъ стараніе было— свои отъинуду привнесенныя философскія понятія сплотить съ буквою Писанія посредствомъ аллегоріи, такъ здѣсь старались примѣнить къ Писанію систему мелочныхъ и ложныхъ по большей части преданій. Правда, здѣсь простой буквальный смыслъ Писанія стоитъ тверже, но только въ той мѣрѣ, насколько можно соединить съ нимъ преданіе. Потому-то люди съ такимъ направленіемъ не столько изъясняли истинный смыслъ Писанія самостоятельно, сколько занимались развитіемъ или находженіемъ въ Писаніи доказательствъ положеніямъ своей системы преданій, такъ какъ точкою отъправленія ихъ служило то основоположеніе, что на каждый вопросъ въ этомъ отношеніи, на каждое самое мелочное положеніе можно найти отвѣтъ въ Писаніи или даже въ одномъ Пятюннжии Моисеевомъ. При развитіи этого направленія, въ немъ для огражденія отъ произвола, который, впрочемъ, все-таки служилъ основаніемъ его, образовались нѣкоторыя герменевтическія правила: тщательно различали смыслъ внѣшній—буквальный отъ внутренняго—тайнственнаго; первый опять былъ у нихъ двоякаго рода, поелику писатель самъ или старался свои слова употреблять въ собственномъ смыслѣ, или хотѣлъ выражаться метафорически,—какъ-то: въ притчахъ, символахъ, образахъ; тайнственный же смыслъ по большей части былъ не болѣе, какъ произвольная мысль

произвольнаго преданія, вложенная посредствомъ различныхъ натяжекъ въ букву Писанія,—выходило, что такихъ таинственныхъ смысловъ было въ иномъ мѣстѣ довольно, даже очень.—Само собою разумѣется, что при такомъ пониманіи и методѣ толкованія, можно было сохранить, держась тверже буквальнаго смысла, истинный смыслъ словъ и мѣстъ Писанія; но, къ несчастію, этотъ буквальный смыслъ, хотя имѣлъ твердыя основанія, былъ въ пренебреженіи; ему не придавали почти никакого значенія, а старались только отъискывать и усвоить себѣ смыслы таинственные, при чемъ истина пониманія и толкованія страдала въ самыхъ своихъ основаніяхъ, и очень вѣроятно, была часто забываема, а подъ вліяніемъ иносказанія — и извращаема. Сверхъ этого, въ толкованіи Писанія, состоящемъ подъ вліяніемъ цѣлой системы преданій, образовались мелочность и скрупулезность, казуистика, діалектическія тонкости, образцы которыхъ мы видимъ въ вопросахъ разныхъ сектъ Христу, какъ это указывается въ Евангеліи ¹⁾. Животворный духъ Писанія изъ-за этихъ мелочей совсѣмъ почти не являлся.—Главнымъ предметомъ толкованій былъ Мессія; но эта внѣшняя буква, эта мелочность и скрупулезность, эта система чуждыхъ преданій, по которой измѣряли смыслъ Писаній, довела до того, что Евреи не узнали своего Мессію. Иисусъ, наприимѣръ, творить чудеса въ субботу, а Моисей повелѣлъ праздновать субботу, слѣдовательно, Иисусъ не есть Мессія, не отъ Бога. Вотъ образчикъ толкованія закона! Не это ли составляетъ то покрывало, которое лежало на глазахъ Евреевъ всегда, какъ они читали свои свящ. книги?

Такъ въ древнемъ іудействѣ образовались въ пониманіи и толкованіи Писанія два, частію противоположныя, частію сходныя направленія: направленіе Александрійско-философское, которое изъ спекулятивныхъ цѣлей и интересовъ результаты чужой философской отвлеченности видѣло существенно заключенными и изложенными въ Писаніи, разсматривало и Писаніе и чуждую философію какъ единое нераздѣльно-соединенное,—направленіе, для котораго, слѣд., Писаніе и его изложеніе потолику имѣтъ достоинство и значеніе, поколику оно стоитъ въ соотвѣтствіи съ философскими идеями и философскимъ образомъ воззрѣнія Александр. Іудея; другое—Палестинско-фарисейское, которое, болѣе обращая вниманія на

---

¹⁾ Ср. напр. Матѣ. 22, 24 и д.

буквальный смысл Писанія, толковало и понимало его подъ призмю ложнаго преданія и старалось различными натяжками сплотить ихъ, но такъ, что при этомъ страдало не преданіе, а истина Писанія, которому вездѣ, гдѣ оно не подходило подъ преданіе, придавали произвольный таинственный смыслъ,—такъ что, можно сказать, для этихъ толкователей Писаніе потолику имѣло значеніе и достоинство, поколику оно служило, при натянутыхъ объясненіяхъ, опорю ихъ системѣ преданія,—хотя они и старались не сознавать этого, благоговѣя, по видимому, къ буквѣ Писанія. Полнѣйшимъ выраженіемъ этого мертваго толкованія Библии явился съ теченіемъ времени Талмудъ,—сборникъ всяческихъ преданій, подъ призмю коихъ понималось Божественное Писаніе.

Со временемъ явилось-было каббалистическое толкованіе, основанное на счетѣ буквъ, на ихъ перестановкѣ и различныхъ варіаціяхъ,—направленіе въ высшей степени странное и дикое, такъ что о немъ не стѣитъ и говорить, тѣмъ болѣе, что оно не имѣло никакого значенія для послѣдующей исторіи.

г) Между тѣмъ, какъ болѣе и болѣе развивались эти два направленія въ пониманіи и толкованіи Ветхозавѣтныхъ книгъ Писанія, Христосъ и Его Апостолы въ своихъ устныхъ проповѣдяхъ, а послѣдніе и въ Писаніяхъ раскрыли истинный смыслъ Ветхозавѣтныхъ Писаній вообще, показали значеніе Ветхаго Завѣта, его назначеніе и цѣль, отношеніе къ Новому Завѣту и смыслъ его, или смыслъ строительства спасенія человѣческаго, изображеннаго въ немъ.—Первоначально и прежде всего въ изъясненіи Ветхаго Завѣта они ограничивались указаніемъ прямыхъ пророчествъ о Мессіи и Его царствѣ и показаніемъ ихъ исполненія въ лицѣ Иисуса Христа и событіяхъ Его Церкви; этимъ показаніемъ они объясняли смыслъ пророчества и рѣдко считали нужнымъ доказывать, что такое или другое пророчество относится именно ко Христу или событіямъ въ Его Церкви, даже когда рѣчь шла о пророчествахъ такъ называемыхъ типическихъ. При дальнѣйшемъ развитіи христіанскаго ученія, особенно въ полемикѣ съ іудействующими христіанами, нужно было шире развити возрѣніе на Ветхій Завѣтъ, въ его отношеніи къ Новому, и оно развито довольно въ Писаніяхъ Апостоловъ, особенно великаго Апостола Павла. При разсмотрѣніи Ветхаго Завѣта, поскольку имъ нужно было касаться частныхъ мѣстъ его, они видѣли въ Ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ и

буквальный—историческій, и таинственный смыслы, какъ оно дѣйствительно и есть въ Ветхомъ Завѣтѣ; на послѣдній они указывали тамъ только, гдѣ онъ дѣйствительно есть, и притомъ—изъ всѣхъ возможныхъ таинственныхъ смысловъ они указывали преимущественно только *прообразовательный* и притомъ такъ, что и при таинственномъ смыслѣ событій или ученія или пророчествъ они утверждали дѣйствительность и историческаго смысла, такъ что эти два смысла не исключались одинъ другимъ, а были дѣйствительно оба въ единеніи, и всѣ событія, имѣющія такое значеніе, оставаясь дѣйствительно историческими, были, какъ выражается Ап. Павелъ—*τύποι*, существеннымъ отображеніемъ будущаго въ прошедшемъ, таинственнаго въ видимомъ, внутренняго во внѣшнемъ; оттого у нихъ аллегорія только типа (Ср. 1 Кор. 10, 1 д. Гал. 4, 21 д.; подробнѣе изложимъ этотъ взглядъ при толкованіи Евангелій и особенно посланій ап. Павла). Но въ Писаніяхъ Апостольскихъ заключается только основоположеніе этого истиннаго воззрѣнія, пониманія и толкованія Ветхозавѣтнаго Писанія, а не подробное его раскрытіе. Притомъ же, какъ само Богодухновенное, Писаніе Новозавѣтное требовало объясненія и раскрытія. Это подробное раскрытіе Апостольскаго истиннаго толкованія Ветхозавѣтныхъ Писаній предстояло преемникамъ Апостольскимъ, пастырямъ и учителямъ Церкви, которую христовъ Духъ, постоянно обитающій въ ней, по слову Христову, будетъ наставлять на всякую истину.

II. Въ первыя послѣ Апостоловъ времена христіанства нельзя было ожидать появленія систематическихъ и полныхъ толкованій Библии съ извѣстными ясно сознанными и выработанными теоретическими началами и правилами, хотя входили въ общества христіанскія люди съ научнымъ греческимъ образованіемъ. Не тѣ были интересы и стремленія въ то время, не тѣ потребности, не то положеніе. Главными преобладающими интересами были интересы практическіе, касающіеся основанія и устройства частныхъ христіанскихъ обществъ, распространеніе вѣры устной проповѣдію, простой и популярной, рѣшеніе практическихъ вопросовъ обыденной жизни, какъ это видимъ часто и въ Писаніяхъ Апостольскихъ. Развиваемы и излагаемы были основныя догматы новаго ученія, конечно, на основаніи и Ветхозавѣтныхъ священныхъ, особенно пророческихъ книгъ, особенно же—книгъ Новозавѣтныхъ; но это изложеніе, насколько оно касалось

объясненія Библии, было изложеніе популярное, простое, такъ сказать, частичное, безъ изложенія теоретическихъ началъ и правилъ толкованія, не систематическое и не научное, въ чемъ первая простая общества еще и не нуждались, можетъ быть. Немногія, дошедшія до насъ, писанія первыхъ, послѣ Апостоловъ, христіанскихъ писателей, вполне подтверждаютъ это. Въ нихъ преобладаютъ практическіе популярныя интересы и вопросы и—изложеніе популярное. Что касается до направленія толкованій въ это время, насколько писателямъ приходилось заниматься ими, или лучше сказать—касаться ихъ: то замѣтна сильная наклонность къ аллегорическому толкованію, по крайпей мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ,—по образу и подобию толкованій Павловыхъ. Это происходило, безъ сомнѣнія, отъ стремленія этихъ мужей обнять шире и понять глубже связь и взаимное отношеніе всѣхъ Божеств. откровеній; но такъ какъ духа Павлова во всей его глубинѣ и широтѣ въ нихъ не было: то не вездѣ ясно отдавали они себѣ отчетъ въ этомъ соотношеніи Бож. откровеній, и, сопоставляя подчасъ несопоставимое и видя противорѣчіе себѣ въ буквѣ Писанія, искали въ этой буквѣ, въ простой исторіи, иносказательнаго смысла, устраняя историческій. Къ тому же въ полемикѣ съ Іудеями и появившимися еретиками, иносказаніе было, или казалось по крайней мѣрѣ, выгоднымъ, какъ орудіе гибкое, удобное для полемическихъ цѣлей, хотя конечно и хрупкое и небезопасное. Оно же наконецъ было обильнымъ источникомъ для назидательности и увлеченія нѣкоторымъ темнымъ, полумистическимъ наклонностямъ, какія всегда обнаруживаются въ нѣкоторыхъ членахъ молодого, болѣе или менѣе экзальтированнаго общества, которому всегда нравится загадочное, темноватое, мудреное.—Примѣры подобнаго направленія въ объясненіи Ветхозавѣтнаго Писанія мы видимъ въ такъ называемомъ посланіи *Варнавы* и отчасти посланійхъ *Климентя Рим.* и у *Иустина*, который былъ представителемъ этой ранней эпохи и этого направленія въ ту его пору. Посланіе Варнавы наполнено аллегорическими воззрѣніями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно касается Ветхаго Завѣта. Въ немъ, на примѣръ, отвергается буквальный смыслъ и значеніе Моисеевыхъ законовъ о пищѣ, и дается имъ духовное значеніе; утверждается, что и для Іудеевъ въ Ветхозавѣтныхъ книгахъ важенъ былъ смыслъ только идеально—типическій, и они его только должны держать, а законы, на прим., объ обрѣзаніи плоти, если ихъ понимать

только буквально, надобно почестъ демонскимъ, а не Божественнымъ изобрѣтеніемъ; приводится странно-аллегорическое толкованіе числа 318 рабовъ Авраама, какъ прообразованіе креста Христова. Ту же склонность къ аллегоріи, хотя гораздо меньшую, чѣмъ въ посланіи Варнавы, видимъ въ письмахъ къ Коринтянамъ Климента Рим. и во многихъ мѣстахъ сочиненій Іустина, особенно въ разговорѣ съ Трифономъ.—Но, впрочемъ, это направленіе было тогда еще весьма не развито, въ неотчетливой общности представленій; это были только начатки этого направленія, приготовленіе къ дальнѣйшему развитію его, аллегорія безъ опредѣленныхъ теоретическихъ началъ въ основаніи и приложеніи, безъ правилъ ея примѣненія, при чемъ единственнымъ, кажется, началомъ была только возможность видѣть тутъ или тамъ такую или иную аллегорію. Теоретически выработанныхъ началъ для объясненія Библии вообще тогда, въ юномъ обществѣ, еще не было и быть не могло,—они развились, опредѣлились и выяснились съ теченіемъ времени.

а) Первымъ *внѣшнимъ* побужденіемъ къ болѣе теоретическому и научному изслѣдованію Библии было появленіе и развитіе лжефилософскаго направленія въ возрѣвшіи на христіанство, которое извѣстно подъ именемъ гностицизма, въ разныхъ его видахъ, опредѣлившись ясно около половины 2 в.; а равно и появленіе другихъ еретиковъ съ болѣе развитымъ раціональнымъ и теоретическимъ направленіемъ, чѣмъ лжеучители 1-го вѣка. Извѣстно, что всѣ еретическія общества себя считали правовѣрующими и видѣли у себя ту или другую истину религіи сохранными въ чистотѣ и неповрежденности, или правильно понятыми и развитыми. Потребность найти опору и основаніе для своихъ ученій, разногласившихъ съ ученіемъ Церкви, потребность доказать свое правовѣріе, заставляла ихъ обращаться къ книгамъ, считавшимся руководствомъ къ правильному ученію, и изыскивать въ нихъ такія мѣста и съ такимъ смысломъ, которыя бы служили опорой и основаніемъ ихъ системы ученія и вѣрованій, и такія, которыя бы служили опроверженіемъ противопоставляемаго имъ церковнаго ученія и вѣрованій. Здѣсь должно было явиться болѣе раціональное изслѣдованіе Библии (хотя и съ ложнымъ одностороннимъ направленіемъ): ибо недоказательнымъ, не имѣющимъ въ основаніи теоретическихъ началъ методомъ нельзя было здѣсь достигнуть никакой цѣли. Нужно было изыскивать теоретическія общія начала для